

Лю Цишуан вернулся домой поздно. Его родители уже поужинали, и даже дедушка заканчивал есть.

Мать, взглянув на тёмное небо, пробормотала, что семья Вань хуже любого помещика-кровопийцы — отпускает работника домой, когда уже стемнело.

Отец, нахмурившись, спросил, сколько ещё дней ему нужно ходить к Вань. Набравшись смелости, он ответил, что три. Отец промолчал, а потом, спустя некоторое время, обругал его:

— Негодник, только и знаешь, что неприятности навлекать! Ещё раз из-за тебя дела по дому встанут — я с тебя шкуру спущу!

Лю Цишуан молча выслушал упрёки родителей, не проронив ни слова. Он прекрасно знал, что они могут только на него кричать. Скажи он, что ему нужно ходить к Вань ещё пять дней, — они бы не посмели пойти и возразить.

Они были смелыми только с ним и дедушкой, а на людях — трусы. Он видел, как его отчима отчитывали его же родители, а тот стоял, как побитый пёс, и слова не мог вымолвить.

...

Несколько лягушачьих криков прорвались сквозь стены дома. Огни в деревне погасли. Наступила глубокая ночь.

Лю Цишуан, думая о спрятанной еде, не спал, а прислушивался к звукам из соседней комнаты. Когда в щели окна не осталось ни единого проблеска света, он тихо встал, постоял у двери родителей, чтобы убедиться, что они крепко спят, и лишь затем выскользнул во двор и принёс дедушке спрятанное.

— Дедушка, это яйца, сваренные с цветами пастушьей сумки. Вань Дунъян сказал, что они очень полезные, ешь скорее. А это то пирожное, которое мы ели. Я положу его у подушки, съешь утром, — отдав пирожное, Лю Цишуан достал несколько конфет, которые специально оставил сегодня. — Дедушка, я принёс много листьев мушмулы. Завтра сам заваришь себе отвар. Он очень горький, так что съешь потом конфетку, чтобы перебить вкус.

Отдав всё, Лю Цишуан собрался забрать яичную скорлупу, чтобы выбросить её в ручей и не оставлять улики.

Но, к его удивлению, дедушка ни к чему не притронулся.

— Я не голоден, ты ешь. Ты ещё растёшь, тебе нужно есть, чтобы вырасти. Съешь яйца, а пирожное и конфеты спрячь. Когда будешь работать у Вань и устанешь, съешь что-нибудь, чтобы сил прибавилось.

Хоть он и был уверен, что родители спят, сердце Лю Цишуана всё равно колотилось. Он не смел спорить с дедушкой, боясь их разбудить, но, зная его упрямство, забрал всё обратно. Пирожное и конфеты он сунул в карман, а два очищенных яйца вложил дедушке в руку и ушёл.

Когда внук ушёл, дедушка Лю, съедая яйца, почувствовал горечь на душе.

Он знал, что внук отдал ему последнее, а сам, скорее всего, не съел ни крошки.

Выбросив скорлупу, Лю Цишуан снова лёг в постель и некоторое время думал о деревенских делах.

Он хотел сегодня зайти к Сун, чтобы отдать Сайюэ пирожное, но, вернувшись домой, ему пришлось мыть котёл и посуду, а потом рубить овощи и готовить корм для свиней. Когда он закончил, было уже слишком поздно, чтобы идти и звать кого-то.

«Завтра отдам», — решил Лю Цишуан. Сун Сайюэ часто помогала ему, почти все белые паровые булочки, что он ел, были от неё. Теперь, когда у него появилось что-то хорошее, он, конечно, хотел поделиться.

Юность брала своё, и вскоре все мысли улетучились, и он погрузился в глубокий сон.

На следующее утро, когда небо только начало светлеть, Лю Цишуан уже разжёг огонь в очаге и принялся варить корм для свиней. В доме снова завели свинью, и со следующего месяца придётся каждый день ходить за травой для неё и для подстилки. Работы прибавится.

Семья Лю не была ленивой, все работали усердно. Не прошло и четверти часа, как встали дедушка и родители. Мать, увидев, что корм уже варится, ругать его не стала. Отправив дедушку на улицу, они с мужем тоже ушли на работу.

Приближался третий месяц, и работы в поле было немного, но она была разнообразной и не давала ни дня отдыха.

Лю Цишуану сегодня нужно было идти в город продавать травы. Он договорился с Вань Дуньяном встретиться в начале восьмого. Время подходило, и он, размешав большой котёл с кормом, наскоро умылся и собрался выходить.

Прямо перед воротами их дома проходила тропинка, ведущая в город, так что ему не нужно было идти через деревню. Выйдя за ворота, он посмотрел в сторону деревенской дороги и увидел повозку Вань Дунъяна. На ней уже сидело несколько человек — сегодня в город ехало много народу.

Повозка Вань Дунъяна была грузовой. Вместо деревянного настила или сидений у неё был большой деревянный кузов, в который, наверное, можно было загрузить тысячу цзиней.

Пока Лю Цишуан шёл по тропинке, Вань Дунъян уже ждал его на большой дороге. Он ускорил шаг, подбежал и, не обращая внимания на перешёптывания в повозке и на чёрные, как дно котла, лица братьев Ван, быстро забрался внутрь.

Кузов у повозки был большим, но сегодня из-за множества людей с корзинами и коробами было тесно.

Лю Цишуан был маленьким, поэтому, забравшись, он сжался в комок, стараясь занимать как можно меньше места. Но это не спасло его от недовольных взглядов.

— Ой, ну я говорю, Сюй-гээр, ты молодой, ноги лёгкие, мог бы и пешком дойти. Зачем лезть сюда, тесноту создавать? Мне вот корзину некуда поставить, — проворчала полная женщина лет сорока-пятидесяти, прижимая к себе корзину.

Молодой парень рядом с ней скривился и, глядя в небо, сказал:

— Тётушка Ляо, у вас в корзине яйца, их всё равно нужно в руках держать. Не убережёте — никто вам не возместит.

— Ло-паренёк, ты я смотрю, заступаешься? Да только не нужна ты ему, твоя семья Ло. Не старайся зря.

Вань Дунъян, слушая эту болтовню за спиной, подумал, что она раздражает больше, чем визг свиней. Он уже хотел было прикрикнуть на них, как раздался новый голос.

— Ты чего ко мне прижимаешься? На мне новая одежда! — старший из братьев Ван, Ван Чуньюй, брезгливо отряхнул рукав, которого коснулся Лю Цишуан.

Старший брат рассердился, и младший не остался в стороне. Ван Цюшуан тоже пожаловался:

— Слишком тесно. Знал бы, что так будет, не поехал бы.

Говоря это, он потянул брата за рукав и бросил взгляд на Вань Чанцина, который до сих пор молчал. Ван Чуньюй понял намёк брата и, смягчив голос, продолжил:

— Брат Чанцин, тебе не кажется, что слишком тесно? Если бы было на пару человек меньше, стало бы посвободнее.

— На пару человек меньше, говорите? — терпение Вань Дунъяна лопнуло. С этими словами он натянул вожжи и медленно остановил повозку.

Когда повозка остановилась, люди сначала удивились, а потом с улыбкой посмотрели на братьев Ван, решив, что те своего добились и смогли повлиять даже на такого упрямец, как третий сын семьи Вань.

Братья Ван, решив, что Вань Чанцин прислушался к их словам и собирается высадить этого нищего гээра, тут же возгордились. Ван Цюшуан даже бросил на соседа презрительный взгляд.

Лю Цишуан понял, что это значит, но промолчал.

Вань Дунъян тоже не стал тратить слова. Когда повозка остановилась, он лишь взглянул на Вань Чанцина. Тот спрыгнул на землю, быстро взял у тётушки Ляо корзину с яйцами и жестом попросил братьев Ван спуститься.

Братья не поняли, в чём дело, но послушно слезли. Они думали, что сейчас высадят лишнего пассажира, выгрузят вещи, а потом, когда станет просторнее, их позовут обратно.

Всё шло по их плану: их короба тоже сняли с повозки.

— И вправду, на несколько человек меньше — в самый раз, — бросил Вань Чанцин, и повозка тронулась, оставляя их позади.

<http://bllate.org/book/13415/1194072>